

Эвелина Шамильевна Азаева родилась в городе Алма-Ате. Окончила факультет журналистики Казахского государственного университета. Работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири. С 1998 года жила в Канаде, где 14 лет издавала газету «Комсомольская правда» в Канаде». Публиковалась в журналах «Нева», «Дружба народов» и др. изданиях. Автор двух сборников рассказов. Лауреат премии «Лучший дебют» редакции газеты «Комсомольская правда», дипломант литературного конкурса «Мгинские мосты» (Санкт-Петербург). Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

Эвелина Азаева

ПОХИТИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ

Рассказы

Анна, руководитель русской эмигрантской организации в Канаде, летит Москву. На форум эмигрантов. Блаженствует. Потому, что на Родину. И потому что впервые далеко без мужа и детей. Можно без объемной сумки с игрушками, можно не петь в любимое маленькое ушко весь десятичасовой полет и не читать стишки...

Канадский самолет. Местные жители летят через Москву куда-то.

Рядом с ней канадец среднего возраста и среднестатистической внешности: чистый, полный, розовый, с незапоминающимся лицом. Вежливый, старающийся, чтобы его было как можно меньше — втягивает куда-то, как моллюск, свою руку, чтобы подлокотник достался соседке.

Принесли поесть. С полчаса все обедают, шурша фольгой и салфетками, а потом канадцу, видимо, захотелось продолжения банкета — поговорить. Спрашивает, является ли Москва ее конечной остановкой и сообщает, что летит в Дубай, он — представитель благотворительной организации, которая помогает детям Ирака, Сирии, Афганистана.

— А вы будете в Дубае сидеть или ездить по этим странам? — интересуется Анна, прихлебывая кофе.

— Буду ездить.

— Не надо бы, за шпиона примут.

Кусочек «брауни» — шоколадного кекса — висит у него в руках. Он долго молчит. Потом переспрашивает:

— Вы сказали «шпион»?

— Да, — простосердечно кивает Анна. — Шпионы всегда работают под эгидой благотворительности, так что вас могут неправильно понять. А там же война.

Сосед навеки замолкает, и до нее через минуту доходит, что она, возможно, угадала. Вот у него сейчас буря в пустыне: она русская агентша? Случайно ли посажена с ним? Что ждет его в аэропорту Москвы?

Что-то... Шаурма и чай с чабрецом.

Через некоторое время скучно стало соседке справа. Будучи в наушниках, она не слышала разговора Анны со «шпионом». Седая ухоженная дама, сняла наушники, посмотрела на то, что Анна читает выпуск журнала «Хелло» о королевской семье Британии, и с улыбкой поинтересовалась:

— Вы тоже, как и я, любите королевскую семью?

Если можно сказать, что Анна остолбенела в кресле самолета, то вот она именно остолбенела. Недоуменно взглянула на соседку.

— Другого журнала в киоске не было.

С лица дамы сползла улыбка и она отвернулась.

Но через минуту не вытерпела:

— Вы летите в Москву? Отдохнуть?

И тут дамбу прорвало! С жаром Анна принялась рассказывать, что мы все, русские из Канады, любим ездить в Россию, она стала совсем иной, чем когда мы уезжали — в 90-е, и мы так рады, и как мы скучаем по ней!

— А я живу в Канаде тридцать восемь лет и не соскучилась по Германии, — удивилась немка.

«Я бы тоже по такой стране не соскучилась», — думает Анна, но молчит.

— Вот чего вам не хватает в Канаде? — продолжает допытываться собеседница.

Русская с минуту соображает. В Канаде много хорошего, и всего ей хватает. Кроме главного.

— Мне России не хватает, — говорит.

Немка отвернулась. Далее все летит в полном молчании. Анна думает, что вот так Россию и изолируют. За ее лучшие качества: простодушие и материнскую заботу, с которыми она, Анна, сообщила возможному шпиону, чтобы он был осторожен, и за патриотизм, в котором русские расписываются, не подумав, что западному человеку он неприятен.

Через три часа Анна замечает, что в конце салона пустует весь ряд и перебирается туда. Пусть шпион растечется по освободившейся жилплощади, а немка почувствует себя вне зоны влияния Красной Армии.

И тут появляется русский человек. Его сразу видно. У русских говорящие глаза. Удивительно, но наша жизнь с крепостничеством, видимо, была не такой страшной, как жизнь западного человека без оногo. Потому что мы продолжаем выражать эмоции, а те давно приучились скрывать их, чтобы не быть съеденными своими же собратьями. Вот о чем думает Анна всякий раз, когда встречается в толпе с живыми, говорящими глазами.

— Посадка возможна? — спрашивает парень, кивая на пустое сиденье. Она соглашается.

— Там семья с детьми, я сбежал, — поясняет.

— А у меня там немцы.

— Стреляют?

— Обижаются, что люблю Россию.

— А вы читали, что некоторые немцы, как и другие иностранцы, переселяются в Россию? — спрашивает попутчик, представившийся Андреем. — Я считаю, хрен с ними, пусть едут. Трудолюбивы. Да и исторически они нам ближе всей Европы. Тока, чур, без своего самовара — толерантность и фидарасню пусть там оставят!

Анна солидарна, и парень заказывает алкоголь, чтобы сбрызнуть знакомство. Женщина проверяет свой фейсбук. Видит новый пост от одного из друзей, канадских организаторов «Бессмертного полка»:

— Я вышел из бана, — пишет Петр. — Слава великому и мудрому Путину, спасителю Русского мира, слава ДНР, слава ЛНР, пусть горят в аду фашисты Украины, сдохни Америка, КРЫМ НАШ, Сирия наша, мы русские, с нами правда, Бог и Путин, УРА!

Анна смеется. Она любит своих друзей. Петр — как кукушка, прокричал и сейчас снова отправится в бан.

«Вот это *они* пустили к себе погреться, — думает Анна. — Ничего. Сами нас развалили, терпите теперь».

Андрей, видя, что попутчица так мало выпила и уже смеется, подливает и улыбается.

— А я, — говорит, — в Исландии живу.

И рассказывает, что русские там духовно не дремлют. Когда в стране легализовали однополые браки, местный русский храм осуществил акцию. Батюшка позвонил в крупную газету, узнал, когда те сдают номер в печать, и пообещал прислать рекламное объявление. Тут же, заранее, его оплатил. А прислал рекламку в последнюю минуту, чтобы некогда было проверять. В объявлении с изображением храма читателей приглашали посещать литургии, а ниже, буквами помельче, стояла цитата из Св. Писания: «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость. Не обманывайся: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют».

И это вышло. Проследили журналюги!

Скандал состоялся. И полиция приходила, и исками грозили, да все на нет сошло: цитировать Слово Божие пока еще не подсудное дело.

Обратный путь. С полным впечатлениями сердцем (в театрах была, в музеях была, разговоры по душам вела!) и тугими чемоданами (книги на русском, российский кремы, которые ничем не хуже западных, но стоят гроши, самые вкусные в мире российские конфеты, календари с Путиным — всем друзьям-«ватникам» по подарку, а кое-кому и магнетики: «Сталин не умер, он растворился в вечности»).

В аэропорту Шереметьево Анна покупает бутылку французского коньяка. Ее запечатывают в пакет и дают чек.

Вскоре она прибыла в Франкфурт-на-Майне — там пересадка. И вот же ж странное. На выход объявляют, как охранники в концлагере: со злобными лицами и командной интонацией. Никто из бортпроводников не улыбается.

Женщина оглядывается и вдруг замечает, что в самолете почти все — мужчины. Русские. Кольнуло сердце: ездят на работу в Германию? Ну, сейчас-то уже чего?

По одному пассажиры с развернутыми паспортами прошли мимо бан-ды проводников. Такого канадской общественнице видеть еще не доводи-лось. Чтобы выпускали из самолета только, если покажешь паспорт. Спра-шивается, а как вы туда впускали?

Один из «охранников» меняет злое выражение на дружелюбное — видит ее канадский паспорт.

Уже в аэропорту, некрасивом и, опять же, похожем на концлагерь — ни единого украшения, все какие-то железные бараки, соединенные меж собой, и безликие коридоры — Анна стоит в очереди на проверку ручной кладки. Аэропорты российских провинциальных городов куда краше.

Сотрудник смотрит на пакет с коньяком и командует:

— Бросай сюда! — указывает на корзину для мусора.

— Почему? Я купила в аэропорту, бутылка запаяна в пакете, вот чек.

— Чек не в пакете, значит, недействительно.

Женщина понимает, что ему понравилась бутылка.

— Тут в чеке написано, что это французский коньяк и его название.

— Бросай, я тебя не пропущу.

Она скандалит. По обернутым на нее лицам других сотрудников и их переглядываниям понимает, что могут вызвать полицию. Берет пакет и уходит.

В туалете отбивает горло у фигурной бутылки и выливает содержи-мое в раковину. Запах — изумительный!

Горло было толстое, пришлось несколько раз ударить им по железной раковине. На шум прибежали уборщицы. Нюхали воздух и недоумевали.

Вернулась к КПП. Бросила пустую бутылку без горла в пластмассо-вую емкость для изъятых вещей.

— Это что? — спрашивает тот же сотрудник.

— Это французский коньяк, который вы хотели у меня украсть, что-бы вечером выпить. Не будет у вас вечеринки.

Странно, но он смотрит на русскую так, будто что-то понял и сожалеет.

— Вы нечестный человек, — говорит Анна. — Желаю, чтобы люди вели себя с вами так же, как вы себя ведете с ними.

— Та сфиданья! — орут ей другие работники. — Та сфиданья!

Анна понимает, что опоздала на самолет, но она это и тогда, в туалете, осознавала.

— Не успокойтесь никак, что проиграли? — бормочет по-русски, а по-английски выкрикивает:

— Вы воры! Вы обворовываете пассажиров! И у вас некрасивый аэро-порт. Самый некрасивый в мире!

Под ответы, которых не слушает, уходит. К стойке, где стоит вежли-вая униформенная дама.

— Я туристка из Канады. Опоздала на рейс по вине ваших сотрудни-ков, которые долго досматривали, — говорит спокойным, высокомерным тоном, как богатая канадская фря, привыкшая к тому, что ей не пере-чат. — Дайте другой билет.

Ей дают.

Анна, закутавшись в павлопосадский платок, сидит на жестком же-лезном сиденье, разгадывает кроссворд и не покупает ничего за евро. Не хочет вкладывать ни одного евро в их экономику.

— Ну, а если бы тебя в тюрьму увезли? — спрашивает мама. — Мы и так переволновались: самолет прибыл, а тебя там нет.

— Зато они увидели русский характер. Снова. Им надо показывать время от времени. Наши мужики там работают и молчат, у немцев может сложиться неправильное впечатление.

— Ну, так-то оно так...

Отоспавшись после полета, Анна выходит в соцсети и пишет: «Мы отвратительны тем, что не сдаемся. Ни в большом, ни в малом. Ни даже в крохотном. Мы не боимся трудностей, считаем, что «двум смертям не бывать, а одной не миновать», и сторонимся греха, напоминая тем самым грешникам Европы и Америки, как низко они пали. Мы бельмо. Похитители спокойствия. Божий набат в глухие уши и покрытые жиром сердца. Как нас любить?»

Избавление придет, когда мы поймем, что нам не нужна их любовь, признание.

Русские — не народ, а цивилизация. А цивилизации самодостаточны. Русские — счастливы. У нас все еще говорящие глаза».

КАК АПОСТОЛЫ

Полиция пришла утром. Причем не просто полиция, а Королевская Конная полиция. Что-то вроде канадской ФБР. Не на конях, правда, приехали, а на машине. Евдокия, которая только проснулась и еще ходила по дому в накинутом на ночнушку халате, непричесанная и не накрашенная, была смущена. Настало, что даже не испугалась. «И не прибрано», — с отчаяньем подумала, по русскому обычаю пригласив вот этих, которые сунули свои удостоверения ей в глаза, в дом.

Это были мужчина и женщина. Они вошли, беспокойно озираясь, как будто это была штаб-квартира Кремля и из-за угла на них могли наброситься псковские десантники или медведи в ушанках со звездой.

— Кто еще в доме? — спросила женщина.

— Трое детей, собака и кошка. Их позвать? — простодушно спросила Евдокия, думая в этот момент о другом: на столе у нее лежала куча фотографий с форумом эмигрантов в Москве. Кто знает, как «пришельцы» это воспримут? Она там с Лавровым на одном фото. Притулилась к нему — и улыбка до ушей.

Мысли метались. Ведь если по-человечески рассуждать: ну и что, что с Лавровым? Посещать форумы эмигрантов в Канаде не запрещается. Свобода передвижения и все такое прочее. Если туда пришла знаменитость, отчего с ней не сфотографироваться?

Но это по нашей логике, а кто знает, какая логика у Канадской Конной?

Гости попросили запереть собаку в туалете, уселись на диван и задали первый вопрос:

— Расскажите нам, пожалуйста, про форум в Москве. Какие у него были цели, кто приехал туда, что вы там делали?

Евдокия читала, что в некоторых тюрьмах мира демократические их организаторы допрашивают арестантов голыми. Такая форма воздействия. Голый человек не настроен к сопротивлению. Он все время испытывает стыд и думает только о том, как ему прикрыть срамные места. К тому же как-то глупо быть голым партизаном или голым героем. Несколько как

бы смешно. Вот и Евдокия в ночнушке, с растрепавшимися за ночь волосами, с помятым лицом сорокалетней женщины чувствовала себя как голый арестант. Запах дорогих духов от полицейской-женщины только усугублял комплексы. Потому Дуся сконфуженно ответила:

— Да ничего особо не делали. Катались на катере по Москве-реке, пили шампанское, ели блины с икрой. В России, знаете ли, такое гостеприимство...

— Цели форума.

— Россия готовится к выборам. Собрали руководителей эмигрантских общественных организаций, чтобы те оповестили народ о выборах и подтолкнули граждан России, проживающих за рубежом, к участию.

Евдокия не могла понять интереса к этому событию. Россия с недавних пор стала пытаться объединить соотечественников за рубежом. Но получалось не ахти. Потому что приглашали кого попало. Эмигрантов, от которых ничего не зависело. Нет бы приглашать руководителей СМИ, хорошо настроенных к России. Те бы потом могли хоть к чему-то призвать эмигрантов или пиарить русскую культуру в своих газетах и программах. Или московские чиновники выяснили бы, кто действительно является активистом в русских общинах, кто проводит парады «Бессмертного полка», ведет за собой массы. Нет, приглашают чьих-то родственников, знакомых, которые пьют, едят задарма, живут в роскошных гостиницах на российские деньги, а потом возвращаются за границу, и никакого выхлопа от них нет. Так это еще хорошо, если нет выхлопа.

Но не говорить же Канадской Конной, что все эти мероприятия при том, что цели у них мирные и чудные, превращаются в пиры для эмигрантов за счет российских налогоплательщиков? Евдокия была не из тех, кто критикует Родину перед иностранцами.

— Какие суммы ваша организация переводит в Россию и для чего? — было следующим вопросом.

Дуся поразились. Никаких денег возглавляемая ею организация «Союз русских эмигрантов Канады» в Россию не переводила. И не получала оттуда ничего. Всевозможные российские фонды только обещали деньги, но ничего не давали. Так что у них в «Союзе» все работали на голлом энтузиазме.

А что делали? Проводили митинги за Донбасс и против того, чтобы Канада делала Украине, воюющей против собственного народа, деньги. Писали письма на английском языке канадским депутатам в разгар боевых действий на Донбассе, рассказывая, как на самом деле там обстоят дела, и призывая повлиять на власть, чтобы она не поддерживала украинские власти. Писали комментарии к статьям в канадских англоязычных газетах, просвещая канадцев на ту же тему. Собирали деньги и вещи для детдомов и больниц Донбасса. Для ополченцев не собирали, так как хоть они и не признаны официально Канадой террористами, но все же в «органах» могут счастье, что русские эмигранты спонсируют «незаконные вооруженные формирования». Потому деньги посылали исключительно в больницы Донецка и Луганска. А что там купит на них главврач — инсулин или берцы — эмигранты за то не в ответе.

Хотя украинская община в это время в открытую собирала деньги на АТО. Но то украинская, любимая канадским правительством. Она имеет влияние на выборы в стране, так как украинцев тех больше «мульона», а русских, наверное, полмиллиона, и на них пока канадские политики на выборах не оглядываются. Но не только многочисленность украинцев

имеет значение. За век жизни в Канаде они проникли во все структуры — армию, правительство, банки. И шуруют там себе во благо. Даже заместитель премьер-министра страны — украинка. Внучка редактора нацистской газеты.

Полицейские сидели и вопросительно смотрели на Дусю. И ее взяла злость. В Канаде вообще-то не принято приходить без уведомления. К ним самим, когда они не умывались еще, никто не вваливается. В стране действует Украинский конгресс, Еврейский конгресс и еще целая куча этнических организаций, и что, ко всем сегодня пришли узнать кто, куда и зачем ездил?

— А знаете что? Давайте мы поступим иначе, — предложила Дуся. — Вы пришлете мне официальное приглашение на допрос, предоставите социального адвоката, а также переводчика, а я приду к вам на допрос со своим адвокатом.

— Но почему? Почему вы не хотите отвечать у вас дома? — заговорила враз оба посетителя. — И зачем вам переводчик? Вы прекрасно говорите по-английски.

— Мой дом не предназначен для допросов, — пояснила Евдокия. — А переводчик мне нужен для того, чтобы у нас с вами не вышло недопонимания. У нас настолько разная ментальность, что я говорю одно, а вы можете понять совершенно иначе.

Она подошла к двери и приоткрыла ее, сделав приглашающий выйти жест.

— Хорошо, — ответили ей. — Мы пришлем официальное приглашение.

Дуся проследила через жалюзи, что они уехали, и вдруг ее стало трясти. Испуг пришел только сейчас. У нее трое детей, она с таким трудом получила в начале девяностых вид на жительство, они столько пережили всей семьей в период адаптации, и вот нате. Она — враг народа. Или как еще понимать этот визит? И ведь написала какая-то паскуда донос.

Доносы в общине начали писать в 2014-2015 годах. Дуся знала кто, это было очевидно. Потому что до того, как писать, они звонили. Звонили в банковский офис, в котором она работала. Говорили, что финансовый консультант Евдокия Апухтина привлекает у себя террористов. Прямо в офисе банка. Поит их чаем и кует вместе с ними планы по убийству лидеров Северной Америки и устройству терактов на территории континента.

Менеджер банка, господин Рэнстон, был в совершеннейшем обалдении от новости. Он, конечно, не поверил и посмеялся вместе с Дусей над этим звонком. Но ей было не смешно. В офис звонила журналистка, которую она лично знала. (Ну как журналистка? Не настоящая, конечно, а как многие в эмиграции — вдруг поверившая в свой литературный дар тетя-Мотя. До эмиграции она отплясывала канкан в варьете Москвы, а теперь мучила радиослушателей грубым голосом и еще более грубой манерой поведения. «Журналистка» была ярая замайданница и русофобка).

Дуся была знакома с этой дамочкой. Конечно, дружеских отношений у нее, искренне любящей Россию, с такими людьми быть не могло. Но они здоровались при встрече и ни в каких баталиях не сталкивались. Было, что дамочка брала у Евдокии интервью по поводу организованного «Союзом русских эмигрантов Канады» Русского Бала. И вполне хорошо поговорили.

Дуся была поражена тогда, как много пошло доносов на русских активистов. В интернете размещались воззвания на русском и английском языках: «Обращаем внимание канадских правоохранительных органов на русские организации, которые стремятся подорвать благополучие нашего демократического государства. Агенты влияния... рука Кремля... несопоставимо с нашими канадскими ценностями... требуем немедленной депортации... А руководит всем этим...»

Подписей под доносами, разумеется, не было. Ставили что-то типа «Лига противодействия тоталитаризму в России».

Тут же, в этих доносах, руководители русских организаций и наиболее видные их активисты обвинялись в национализме, шовинизме, антисемитизме и прочих «измах».

Но и евреям-«ватникам» тоже доставалось. Про Исаака Лернера, прошедшего несколько демонстраций против киевского режима, писали: «И он, будучи евреем, в Пурим плясал кадрили под лестницей российского посольства!»

Дуся не смогла сдержать смеха, когда прочитала это. Под лестницей в российском посольстве были туалеты. Было бы странно, если бы Лернер, проживающий в Торонто, приехал в Оттаву в Пурим, чтобы сплясать перед туалетами в российском посольстве. Но писаки-руссофобы не гнушались ничем, потому что их целью не была правда. Целью было — подорвать репутацию активистов русской общины любым путем, отомстить «вате» со всех сторон. Если ты русский, пусть тебя сторонятся как шовиниста, если еврей, пусть от тебя бегут собратья как от отступника. Если ты финансовый консультант, пусть тебя вышвырнут из банка, а коли ты владелец магазина — оповестим о твоих выдуманных грехах как можно больше покупателей.

Дуся сходила наверх, на второй этаж, и с чувством удовлетворения убедилась, что дети спали. Каникулы. Сын и две дочери были подростками, оканчивали школу.

Евдокия посмотрела на них, спящих, и подумала, что своей общественной деятельностью, возможно, вредит им. Кто знает, может быть то, что их мать так любит Россию, снимается с Лавровым и размещает в соцсетях положительные посты о Путине, невольно не даст детям занять государственные должности в Канаде или негласно лишит их права «быть избранными»? Никто из детей в канадские депутаты не стремился, но если вдруг начнет стремиться, вероятно, «органы» вспомнят их мамашу — «пионерку-партизанку».

Однажды Дуся сходила на собрание «Любителей истории СССР». Как ни странно, есть в Канаде такое общество. Сходила из любопытства, прихватив с собой мужа Анатолия. Толик в то время работал компьютерщиком в крупном канадском издательстве, был на хорошем счету. Ему обещали повышение.

А вскоре после Дусинога с супругом похода к любителям истории СССР, среди которых были какие-то нищие чернокожие старушки и полумные белые троцкисты в черных фуражках а-ля Лейба Бронштейн, Анатолия уволили. Как принято в Канаде — без объявления «войны». Подошли, попросили собрать манатки, проследили, чтобы собрал, и вывели чуть ли не под руки.

Конечно, может быть, эти события и не связаны меж собой. Но вспомнилось вдруг Дусе, что руководитель «любителей истории», правнук революционерки-садистки, седой старикан, провожая ее, тихо сказал по-английски: «Евдокия, не будь хорошей, будь осторожной».

По-русски он не говорил, а только по-английски и почему-то по-румынски.

Дуся всегда нравилась старикам, потому что и они ей нравились. Апухтина выросла на Кавказе и впитала с молоком матери уважение к старости. Где бы она ни была, первым делом заботилась о стариках. На Русских Балах рассаживала их, а не политиков и спонсоров, на лучшие места. В первую очередь еда подавалась им. И она видела, как лучились глаза пенсионеров, на нее обращенные. Вот и этот увидел в ней искреннее к нему внимание и уважение (в конце концов, правнуки за прабабок не отвечают) и счел нужным предупредить.

Евдокия налила себе чай с жасмином — полюбила его, еще когда работала официанткой в китайском ресторане, сразу после приезда в Канаду, и закручинилась.

Полиция приходила уже ко всем активистам ее организации. А спрашивается, почему? Нет, конечно, имеют право. Наверное, вот этим тотальным контролем и достигается безопасность государства, но ведь русские не делали ничего противоправного. Митинги проводили только с разрешения мэрии. Ходили мирно, никого не трогая. Слова на транспарантах были выверены по букве закона. Никаких призывов к экстремизму, исключительно просьбы и пацифистские лозунги: «Русская Канада против фашизма на Украине!», «Нет войне! Донбасс, мы с тобой», «Одесса, скорее гони Бандеру в шею!», «Канадские налогоплательщики против траты денег на войну на Украине!»

Однажды какой-то проходящий мимо канадский студент спросил: «Вы русские? Вы ненавидите украинцев?», и как же все к нему бросились уверять, что нет, мы, дескать, любим украинцев (при этом многие били себя в грудь и кричали: «Я сам из Киева», «А я из Харькова»), мы просто против фашизма и войны, а также против поддержки переворотов в других государствах. Доказывали, что Канада портит свой имидж миролюбивой страны, что в ней самой проблем масса, так не лучше ли ими заняться, чем бегать по планете с демократизатором?

— Мы любим Украину и украинцев, — божились русские эмигранты, и Дуся знала, что они не лгут.

Вся ненависть «ваты» к украинцам — бутафорская декорация. Как потемкинские деревни. Она прикрывает собой поруганную любовь. Потому что русские всегда любили украинцев и любят, и не перестанут любить. Можно обижаться на брата, можно поражаться его ослепленной подлостью, его неожиданной жестокости, но разлюбить того, кого ты купал в тазике, когда он был мал, невозможно. Он заносит меч над тобой, а ты видишь родные глаза, родные руки, и все ваше общее чуждое, но счастливое детство, проносится перед глазами. Ты отталкиваешь его, ты перехватываешь меч, ты вяжешь его, то ли пьяного, то ли одержимого, ты вызываешь бригаду психиатров, но, Боже, как болит душа!.. Как болит душа и как горячи слезы обиды, как хочется, чтобы прошло, словно дурной сон.

Но сон не проходит, и ты кричишь: «Будь ты проклят. Ты всех нас предал... Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?», а он, как Кай из сказки про Снежную королеву, не слышит тебя и не видит. Попавший в его глаз осколок кривого зеркала исказил твой образ. Ты говоришь «люблю», он слышит «ненавижу», ты пытаешься обнять, а он видит, как ты достаешь из кармана заточку.

А все тролли со своим зеркалом, будь они неладны!

И в Дусиной организации ребята часто кричат: «Не простим!», «Украины и украинцев для нас больше не существует». Но Дуся знает, что это ложь. Даже с чеченцами, которые русским по крови не братья и по культуре не братья, и по вере не братья, примирились. А уж украинцев не просто простят, а снова сольются две славянские реки в одну и будут крепче, чем прежде. Но, конечно, Украинскую войну никто не забудет. Эту подлую, эту искусственно созданную войну. И памятникой героям — вовсе не тем, которым «слава», — будут стоять по всей территории южного предела России, именуемого ныне окраиной.

Раздался телефонный звонок.

— К тебе приходили? — спросила Наталья, руководитель танцевального ансамбля «Павушки». — У меня только что были. Меня всю трясет.

— Не дрейфь, мы ничего такого не делаем, — стала ее утешать Евдокия. — Нам нечего бояться. Ты на вопросы отвечала?

И час они обсуждали, кто и что сказал, да как. Наталью спрашивали про то же самое — зачем ездила в Россию, с кем встречалась, видела ли лично Путина (этот вопрос ее поразил в самое сердце, заодно насмешив) и шлет ли туда деньги. Она тут же нажаловалась, что денег у нее и для себя нет, не то, что для России, что в ее ансамбле все «павушки» сами шьют себе русские наряды, скинулись на покупку аппаратуры, за концерты им никто не платит, и пляшут они просто для души, а работают кто кем — кассиром, секретаршей, воспитателем и так далее. Наталья даже потребовала от полицейских поспособствовать в получении гранта. «А то всякие русофобы берут у Канады деньги на развитие русской культуры, а сами на эти гранты выпускают полные лжи газеты и отдыхают в Доминикане!»

— Короче, ты вставила стражам порядка пистон, — нервно хохотала Дуся.

— А че? — храбрилась Наталья. — Пусть знают, как мы тут живем. Ишь ты, деньги мы в Россию посылаем! Какие такие деньги, когда в Канаде второй раз кризис? Я им все сказала, цифры привела. Упрекнула безработицей в Альберте.

Дуся хохотала, но внутренне восхищалась. Бабоньки ей в организацию достались неопишуемой внутренней силы и красоты. Уехавшие в девяностые за границу славянки — кто замуж, кто просто подзаработать, да оставшиеся там (родили детей от местных жителей, и дверка в Россию захлопнулась), не будучи артистками, из любви к Родине и желания ей подсобить в эмиграции вдруг запели народные песни да заплясали, да пооткрывали театры и школы обучения русскому языку, и все это делали на голом энтузиазме, по вечерам и выходным, днем работая во вполне земных организациях и уставая, так как не девочки уже.

В переломные для русской общины 2014–2015 годы они по ночам рисовали антивоенные плакаты, чтобы утром выйти с ними на демонстрацию, — они шили стометровые Георгиевские ленты, пекли сотни блинов на Масленицу (пропаганда русской культуры — идем к сердцам через желудки), наклеивали на доски с палочками портреты фронтовиков и шли колоннами, демонстрируя всем, что была такая славная Победа и к ней причастны именно русские.

Эти бабоньки вдували в уши своим иностранным мужьям, как велика их, русских женщин, далекая снежная Родина, как справедлива, как

непобедима и как чиста. В ней, — кричали в уши этих самых мужей бабоньки, — женятся мужчины и женщины, в ней в церквях не проводят собачьих свадеб, в ней в школах нет гей-клубов...

В эти годы Евдокия отчетливо увидела, КТО писал в тридцатые годы доносы и КТО был партизаном в Великую Отечественную. Доносы писали те же самые, что и сейчас пишут. Просто изменились формулировки. Тогда доносчики выставляли себя коммунистами, а оппонентов — контрой. Сейчас эта же самая публика, сменившая самоназвание с большевиков на демократов, точно так же клеймит всех, кто ей сопротивляется, выставляя их уже русскими националистами и исламскими террористами. Это новое название для контры. В семьях доносчиков писали деды, отцы, и теперь пишет третье-четвертое поколение. Традиция. Причем, они же одновременно, второй рукой, пишут статьи в газеты, обличая Сталина и уличая народ России в том, что вот именно он весь и является доносчиком и сам себя высек. Потому что завистник, раб и пьяница. А сами они-де с боку припека, «интеллихенция» высочайшей души и необыкновенного интеллекта.

А партизанами во Вторую мировую были вот такие Дуси и Натальи. Плюс Тамары Ратьевы. Это еще одна активистка русской общины. Евдокия позвонила ей, и та сказала, что к ней пока не приходили.

— Да пусть приходят! Делов-то! Я им скажу, что мы никакие не террористы и не агенты Кремля, а просто люди, которые любят свою Родину. И когда мы иммигрировали в Канаду, нам не предлагали от России отречься, и все, кто здесь живет — украинцы, итальянцы, китайцы, арабы, — любят свою родину и помогают ей, а почему нам нельзя?

Тамаре шестьдесят два года, и она — настоящая русская красавица. Правильные черты лица, умные и все понимающие синие глаза, ржаные длинные волосы забраны в низкую «шишку», на плечах обычно оренбургский платок. Выражение лица — спокойно-сердечное. На Тамару хочется смотреть и смотреть, хоть и не молода. Евдокия, глядя на Ратьеву, всегда думает, что вот если женщина была красива в молодости, то и в старости это видно. А то некоторые бьют себя в грудь, будто в юности были красавицами, а тому и следа не найдешь.

Ратьева прожила в Канаде двадцать лет. Русская эмигрантка с Украины. Уехала оттуда, когда в Незалежной начались антирусские закидоны. Преподавала в университете, писала научную работу, и вдруг ей сказали, что работу нужно писать по-английски, а преподавать — на украинском. Тамара знала оба эти языка, но ей не обосновали, отчего нужно позабыть русский язык. И она отказалась участвовать в «балагане», как она назвала те новшества.

— Все, что случилось в 2014-м на Украине, родилось не в одночасье, — рассказывала она Дусе. — Помню, был у нас в университете приятный парень лет тридцати. Я с ним почти дружила. И каким же обухом по голове было для меня, когда он сказал: «Я бы москалей перестрелял всех, если бы у меня ружье было». А еще старушка у нас одна преподавала, я ее очень уважала, в гости к ней ходила, и тоже из нее в годы «обретения независимости» полезло. Сказала мне, что русские хороши, когда лежат на два метра в земле. Российского гражданства у меня не было, у нас многие тогда подавали документы на эмиграцию в Канаду и довольно быстро получали желаемое. Я тоже подала. Не всерьез даже, а так, вдруг дадут, и поеду, заработаю. А мне взяли да и прислали вид на жительство.

Ратьева слывет неустрашимой. Всегда идет впереди всех демонстраций, и очки не надевает, плакатом не загораживается. Весь вид ее — Родина-мать. Ее любят все, и она любит всех. Причем и на работе в канадской компании, где она дослужилась до менеджера, ее тоже любили. Честный человек всякому приятен — он дает надежду, что мир спасется. Сейчас вышла на пенсию и недавно съездила в паломническую поездку на Валаам. Рассказывала на собрании «Союза русских эмигрантов Канады» о своем вояже:

— Там всюду идет строительство, мостят тротуары, новые храмы открывают. Буквально на каждом шагу храмы. Везли нас на туристическом автобусе, остановились в какой-то глуши в туалет сходить, так туалет — такого в Европе не найдешь. Плитка блестит, краны диковинные — с цветной подсветкой. По городу идешь — красота несказанная: и дома красивые, и цветы кругом развешаны в корзинах, на земле ни окурка, ни бумажки. Поднимается Россия, не сломили ее окаянные!

Эмигранты слушали, кивали. Все ездят и видят, как меняется страна. Кому-то в России не видно, а издалека все замечаешь, самую даже малость: водители стали пешеходов пропускать, на улицах и в общественном транспорте нет былого хамства, в ресторанах расторопно и вежливо обслуживают, детишки идут хорошо одетые, подтянутые, в парках установлены тренажеры для того, чтобы народ спортом занимался, и вокруг них молодежь вьется. А в театрах что творится? Аншлаг, причем много там молодых зрителей — девчонки пришли стайками, на высоких каблучках, парни в классических костюмах.

Равовались души эмигрантские и плакали от счастья видеть Родину, восставшей из пепла. А русофобы шипели со страниц фейсбука и эмигрантских газет: «Вы — крысы, сбежавшие с корабля», и кричали: «Чемодан-вокзал-Россия», но если сначала это оскорбляло любящую Родину волну — эмиграцию девяностых годов, — то потом на шипение перестали обращать внимание. Слали гуманитарку в Россию, орали за нее на всех углах и клали с прицепом на то, кто что по этому поводу думает.

Евдокия все же, узрев однажды на одном из русских пикников священника, отвела его в сторонку и спросила о наболевшем:

— Грех это, что мы Россию покинули или нет? Что вы скажете? Мы же тогда, когда уезжали, ничем ей помочь не могли. Нам зарплаты не платили, жить не на что было, а криминал какой был — моему мужу угрожали сына похитить, если не поделится с рэкетом. Мы спасались, но ни разу свою страну не охаяли за границей и всем рты затыкали, кто из предыдущих волн эмиграции пытался ее охаять. Мы ни разу не предали, а ироды эти прут на нас, щиплют, попрекая. Правы они?

Батюшка ответил не сразу, а подумал, сахар в чай положил, размешал и тихо, но уверенно сказал:

— Господь дал людям дом. А самым сильным дал посох. И сказал: «Свидетельствуйте!» И пошли апостолы по миру свидетельствовать. Если бы они не разбродились по Земле, как бы люди узнали Слово Божие? Вот и вы. Как апостолы... Вы же свидетельствуете?

— Еще как! — вспыхнула Евдокия. — Беспрестанно.

— Вот и свидетельствуйте. И ни о чем не беспокойтесь. Не бойтесь ничего. Бог боязливых не любит.

Сейчас, после визита Королевской Конной, Евдокия вспомнила эти слова. «Бог боязливых не любит», — повторила про себя, и вдруг стало на душе светло и радостно.

И что ее бояться, эту полицию? Сейчас вот прошлись по русским активистам, убедились, что это просто люди — с семьями, с работой, с ипотечными выплатами, а никакие не террористы, и посрамлены будут доносчики. И никто им больше не поверит. А вызовут в полицию, так отчего не сходить, не прочитать там курс всемирной истории? В Канаде в школах историю учат все больше свою, а всемирную почти не изучают. И результат налицо. Однажды Дуся ходила в кинотеатр смотреть фильм «Мария-Антуанетта». Картина заканчивалась сценой ареста короля и королевы. После этого были титры, и зажегся свет. Дуся услышала сзади разочарованное восклицание на английском: «Ну и что это за конец? А что с ними дальше-то было?»

Так вот, отчего не пойти в полицию, не продемонстрировать свой новый костюм, страшно дорогой и купленный в ГУМе (все же стыдно было за свой неприбранный вид), и не рассказать хотя бы историю появления Крыма в составе Российской империи?

Но никакого письма с приглашением на допрос она так и не получила.

